

Солженицын возвращается. Нет, сам Александр Исаевич по-прежнему живет в американском штате Вермонт. Возвращаются его книги к читателю, для которого в первую очередь они были написаны. Журнал «Новый мир» публикует «Архипелаг ГУЛАГ». Здесь же, а также в «Нашем современнике» появилась публицистика. На следующий год «Новый мир», «Наш современник», «Нева» и другие журналы анонсировали самые известные повести, романы Александра Исаевича. В ближайшее время ожидается выход отдельных книг и собраний сочинений в столичных издательствах.

Большой писатель — всегда фигура неоднозначная. Вот и в творчестве Солженицына нам, даже сегодняшним, трудно понять и осознать, принять все безоговорочно, разом.

Солженицын. Человек, прошедший по фронтам Великой Отечественной и арестованный в конце ее как изменник Родины. Тюремь, лагерей, ссылки и первая реабилитация в 1957 году. Смертельная болезнь — рак — и чудесное исцеление. Широкая известность в годы «оттепели» и замалчивание в пору застоя. Нобелевская премия по литературе и исключение из Союза писателей, мировая слава и изгнание из СССР...

Что значит Солженицын для литературы нашей, для общества? С этим вопросом я обратился к Виктору Астафьеву.

На первый взгляд, выбор покажется странным. В архиве Астафьева не найти совместной фотографии или книги с дружеской надписью, или письма. Астафьев не был знаком с Солженицыным лично.

Но разве для нас сегодня главное — фотографии и подробные рассказы о мимолетных встречах, которые уже появляются, а вскоре и вовсе заполнят различные издания. Важнее понять загадочную фигуру «вермонтского отшельника», на которого немало наклеено ярлыков и по ту, и по эту сторону океана.

У Астафьева есть то, что не заменят никакие фотографии и встречи. Есть моральное право говорить о Солженицыне.

Помню, как начиналась в 70-х кампания травли в прессе. Сначала пошли оскорбительные письма о литературном влосовце с подписями, требовавшими расшифровки — «член СП СССР, республиканский...». Эти пасквилы незнакомых широком массам литераторов вызвали усмешку. Но потом замелькали широко известные имена.

Среди них, однако, не было писателей, которых связывают с целым направлением в нашей современной литературе, не было тех, кого уничтожительно обозвали «деревенщиками». Астафьев, Белов, Распутин не пожелали в виде тиражей, премий, должностей, не участвовали в постыдной травле.

1982 год. Выступая перед томскими студентами, Астафьев назвал Солженицына выдающимся писателем современности. Еще был жив Брежнев. Позже я узнал, что Томск не был приятным исключением. Во Владивостоке, других городах, несмотря на доносы, в те застойные годы встречались с читателями, он всегда называл великими писателями жившего тогда Шолохова, Маркеса и Солженицына. Не для бравады, скандала, желания дешевой популярности, игры в диссидентство? Говорил от чистого сердца.

Да и в пору гласности первым прорвал завесу молчания вокруг опального писателя именно Астафьев. Выступая по Центральному телевидению, он с горечью сказал, как много потеряет наше поколение, если еще один великий русский писатель умрет на чужбине, как умер там другой нобелевский лауреат — Бунин.

Астафьев. — Я считаю, что в мире сейчас писатель номер один — Солженицын, а вершинной русской новеллистикой является, на мой взгляд, «Матренин двор».

— Но вхождение Солженицына в литературу обычно связывают с «Одним днем Ивана Денисовича». Эту повесть выдвигали на Ленинскую премию.

— Иван Денисович стал для всех откровением. Это было открытием лагерной темы. Для меня открытия здесь не было. Человека, выросшего в Игарке, знающего, что такое Норильск, человека, у которого были репрессированы отец, дедушка, выслано посела, жестокостями не удивишь. И хотя сам я не сидел, но знал и видел многое.

Виктор Петрович достает из стола две фотографии. Мужики в косоворотках, смотрящие прямо в объектив.

— Отцу 29 лет. А это дедушка. Семеро детей у него было. За «создание вооруженной контрреволюционной организации» в деревне Овсянке взяли 16 человек. Сейчас настанаво на реабилитацию.

«Матренин двор» стал откровением. Нет, до этого работали Овечкин, Дорош, Абрамов, Солоухин, Тендроксов... Уже были написаны ранние рассказы Носова, «Деревья Бердяка» Белова. Задел деревенской прозы был. Но от правная точка — «Матренин двор».

— Словом, наша деревенская проза вышла из «Матренина двора».

— Да. Дело коснулось, наконец, как и в «Привычном деле» Белова, судьбы простейшей и трагической. Я считаю «Привычное дело» при всем глянцевом, какой навела на эту повесть критика, трагедией русской семьи и русской бабы. Трагедия деревенской русской женщины, описанная Солженицыным, — наиболее выразительная, вопиющая.

И на каком художественном уровне! А язык?! Пользоваться таким языком я и смог бы, к примеру, да не смел. Потому что мне, тогда молодому автору, на полях рукописей «Знатоки» и эстетизм писали: «Густопыльный реализм!», «Ха-ха-ха», «Где вы это слышали?». На провинциала это действует. А на Солженицына нет.

Кроме тех вещей Солженицына, что были опубликованы, я читал в рукописи лишь «Крохотки». Теперь говорят, что они повлияли на «Затеси». «Затеси» я писал и до того,

перв, говорю, буду читать. Но месяц или полтора. Вон какая книжища! Что-то перечитаю, к каким-то страницам вернусь. «Хорошо», — согласился один из работников АПН, — через полтора месяца отдадите в Москву».

Вот так. Думаю, достаточно прочитать «Матренин двор» и «Архипелаг ГУЛАГ», чтобы знать масштабы этого труженика-автора.

Я, может быть, и с вами не стал бы беседовать на эту тему, но уже сейчас начинают трепать имя Солженицына, делать его модным. Скоро и вовсе начнется вакханалия. «Солженицын! Солженицын!» Все будут утверждать, что они его друзья верные, защитники.

Я никакой не друг великого писателя и тем более не защитник. Я просто читатель, российский человек, родня ему по Отечеству. И только. Быть может, некоторое моральное право мне дает о нем поговорить то, что я не подпал ни одной строки, ни одного письма против него. Хотя испытывал большой нажим. Надо сказать, что сейчас все немножко смазывается,

ливание зерна на дому, четко проводить хрущевскую линию.

Я считаю, что с выходом «Архипелага ГУЛАГа» и «Красного колеса», которое я, даст Бог, прочитаю, представит, наконец, перед советским читателем величайший писатель современности, подвижник духа. Хорошо писать про американскую действительность, живя в Америке. И другое дело — писать про Россию, ее историю, живя в отрыве от нее и сохраняя при этом любовь к Отечеству своему. Ведь «Архипелаг» чем велик? Он весь почти на тысяче страниц пронизан самоиронией, которая всегда была свойственна великой русской литературе, и прежде всего гению русской литературы — Гоголю. Автор прежде всего самоироничен. Александр Исаевич себя просто не шадит.

Оставаясь в любви к своей Родине, земле, людям, он в то же время поднимается до трагических, страшных моментов истории нашей. Ведь он обличает не буржуа. Он обличает строй, в котором, извините, не всегда были вожжи со стороны. Были и из рабочих, бы-

щей нас. Чтобы мы не совсем уж в темные углы-то тыкались, на бревна не натыкались.

Его мужество — мужество командира. Существует такое мужество. Вот наш командир дивизиона был. Тихоголовый, маленький. Владимирский родом. Но, бывало, запаникуют на батарее, замечутся: куда бежать?! А он ничего. И, глядя на него, бойцы успокаивались. Так и присутствие Александра Исаевича. Уж если он в изгнании, преследуемый не только нашими доблестными борцами, но и всякими репортерами, клеветниками международными, имел мужество много и плодотворно работать! Ведь сейчас мы почти отключены от работы. Болговней работу заменили. А он не дал себя отключить.

Аскетизм, высочайшее самоотречение, когда человек так поглощен своим творческим трудом, что все земное отпадает. Таким был и Гоголь.

— Солженицын еще не приехал к нам, а уже пошли разговоры, к кому он примкнет, что будет делать и возвращаться ли ему вообще. При-

— Лучше-то лучше, но за счет чего? Никак не говорят об этом. Во времена Сталина было лучше чуть-чуть в городе. Я жил в городе Чусовом на Урале. В нем продукты то исчезали совсем ненадолго, то появлялись. В областном городе — Перми было получше, а вот в чусовских магазинах чаще копченая селедка да лук китайский продавался.

57 процентов крестьян кормили 43 процента горожан. И считалось хорошо. Но на каком уровне жила сама деревня-кормилица? Вот она и опустела. Вымерла. Разбежалось-то молодое поколение. А старые вымерло. От голода, от насады.

И вот что хотел бы я заметить — у черта на куличках, в американском штате Вермонт Солженицын все равно остается сыном нашей земли. Тогда как многие из здесь, в нашем Отечестве живущих, давно уже как бы пребывают в другой стране. Духовно отделились от народа, презирать его начали.

— Я все ждал момента, Виктор Петрович, чтобы вернуться к «Одному дню Ивана Денисовича». Огромное значение этой маленькой повести, особенно это видно в наши дни, не только в открытии лагерной темы. Теперь на тему лагерей издаю уже много. Есть поговорка «Паны дерутся, а у холопов чубы трещат». Сейчас в литературе, публицистике больше внимания уделяется страданию как раз этих «панов», проигравших Сталину в борьбе за власть, страданию их детей, близких. Их-то и реабилитируют в первую очередь. Вы еще только пытаетесь добиться реабилитации отца, деда, земляков, а на многострадальной земле Магадана поспешили открыть памятник одному из основателей ГУЛАГа, первому директору печально знаменитого Далестроя, где добывали колымское золото, Берзину, монтировавшему сталинскую мясорубку, а впоследствии, по логике вещей, также угодившему в нее вслед за своими многочисленными жертвами.

— А что же холопы? Простой народ? Его уже считают чуть ли не единственным виновником страданий панов, развязавших кровавую бойню. Вот и наш шумный и модный поэт называет народ ленивыми заморскими медведями за то, что тот молчал в ту пору. Хотя сам-то шустрый поэт в сталинское время отнюдь не молчал, а воспе-вал.

Солженицын в повести показал страдания простого человека, который в нравственном отношении чище, чем вожжи, многие руководители и деятели культуры той поры, которых ныне представляют жертвами и героями-страдальцами.

Кто только русский народ в чем не обвинял. Сейчас начинают даже порицать за то, что и воевали, терпя все, что другие не стали бы терпеть. А что стали бы мы тогда делать, если бы не терпели, не подчинялись? Бежали бы по фронту с лозунгами, искали способы заключения мира с Гитлером, отдали бы навсегда половину страны? Терпели, как могли. Во впах, полураздетые, полуголодные. Медленно, с потерями, но шли вперед. И доставили возможность жить Европе в довольстве, голосовать и голосить всем, кто чего захочет на нашей земле.

Как Иван Африканович в «Привычном деле», так и Иван Денисович — фигуры самые страдательные в России.

Совестливые художники, как их называют, или просто хорошие писатели первым делом озабочены судьбой обыкновенного человека. То, что и составляет сущность нации, кормит нас. А то у нас часто получается, что те, кто едят, они этого крестьянина ставят на одну доску с палачами.

— Чтобы самим остаться чистенькими, оправдать свое лакейство.

— Солженицын написал простого русского человека с достоинством. Можно его на колени поставить, как Ивана Денисовича, но унижить трудно. А унижая простой народ, любая система унижает прежде всего себя.

Иван Денисович и есть истинно русский человек. Как стационарный смотритель Пушкина, Максим Максимович в «Герое нашего времени», мужики и бабы из «Записок охотника» Тургенева, толстовские крестьяне, бедные люди Достоевского, подвижники духа Лескова. В конце концов, наши Ромео и Джульетта, «старосветские помещики» были тоже очень простые люди, жили «по вере» и нравственным началам в душе и любили до гроба друг друга, и не хуже аристократов у них это получалось. Ни один настоящий русский художник не унижал крестьян. Конфетку делали из него иногда, кулички, елочку нарядную — дело другое. Но с почтением к ним относились даже бояре и дворяне. Понимали, кто их кормит, содержат. Вся великая русская литература этим пронизана. И дано это лишь истинному художнику — в наши дни, прежде всего, Солженицыну.

Беседу вел
Е. ЧЕРНЫХ.

Солженицын. Дорога домой Виктор Астафьев размышляет о судьбе писателя, чьи книги вернулись на Родину

как и Солоухин свои «Камешки».

— Того же ряда «Мгновения Ю. Бондарева», «Зерна» В. Крупина.

— Не думаю, что миниатюры Солженицына, к тому же мало тогда известные, так подействовали. Этот образ художественной прозы вызван суетой нашей жизни и отсутствием собеседника. Способ разгрузить себя. Заменяющий дневники, записные книжки, которых у меня нет. Оказалось, что этот интимный разговор с самим собой нужен и читателю. Наиболее подготовленному читателю. У нас же массовый читатель охот до толстых романов.

Читатель воспринял «Затеси» как душевный разговор с ним. Это для меня важно. И так же я воспринял «Крохотки». Среди них есть шедевры: «На Родине Есенина», «Ведро»...

— Главным произведением Солженицына в ту пору был, конечно же, «Архипелаг ГУЛАГ», абсолютному большинству советских людей известный лишь по названию и до самого последнего времени считавшийся самой крамольной книгой эпохи.

— Период-то какой был? Он и сейчас вовсе-то никуда еще не делся, а тогда особенно. Раньше, чтобы публика посещала фильм, требовалось его разругать. И некоторые режиссеры умело этим пользовались.

Так и с Солженицыным. Когда пошла официальная травля писателя, началось тайное распространение и чтение его произведений. Вот уж чего я терпеть не могу. Играть свою роль и физический недостаток. Я просто медленно читаю. И чтобы прочитать такую книгу, как «Архипелаг ГУЛАГ», мне месяц надо. Здесь же приедешь в Москву — тебе шепотком: «Возьми на две ночи». Не прочитать, во-первых, за пару ночей. Во-вторых, читать под одеялом? Солженицын — явление русской литературы, художник мирового масштаба. И я, бывший солдат, крестьянский сын, стал бы читать под одеялом? Оглядываясь? Александр Исаевичу от этого ни жарко, ни холодно. А мне-то каково, уцелевшему в этой жизни, сохранившему хоть частицу живой души?

«Архипелаг» я все же прочитал. История занятная. Прощал слух по Европам, что всех писателей в России истребили. Ну а поскольку мы даем достаточно поводов для разных слухов, толкований — той же высказкой Солженицына, например, непочтительным отношением к большому художнику, ученым. Все это работает против нас. И потому любому, даже самому нерпому, слуху «за бугром» неперат. Сказали «голоса», что осталась лишь кучка полузамаскированных людей, которые живут в Москве и работают на русском языке. Работают от земли, от деревни. В общем, на писателях крест.

Я тогда жил на Вологодчине. В Харовском районе. Это родина Василия Белова. Только его родная деревня Тимошиха еще на 70 километров дальше. Глушь. Асфальт — жидкий, вологодский. И вдруг в эти края заносит группу АПН. Во главе с Фрицем Капелляйеном, представителем Кельнского телевидения в Москве. Этот Фриц решил доказать миру, что российские писатели кое-где еще водятся. А тут в одном районе враз два. Эти гости и привезли с собой «Архипелаг ГУЛАГ». Вот те-



А. И. Солженицын на фронте. 1943-й год.

мутится, и выходит так, будто бы все бежали, в очередь становились, чтобы подписаться против Солженицына.

— Прекрасный способ оправдать свою трусость. Дескать, все так поступали, не один. Заявил же популярный ныне депутат своим избирателям, что в годы застоя «сидел в дерьме, как все». Все ли?

— Рассказу о человеке, который хоть каким-то образом противостоял этому. Это бывший редактор областной вологодской газеты «Красный Север» Николай Михайлович Цветков, ныне пенсионер. С виду тихий вологодский мужик, невозможно замкнутый в себе. Это он способствовал тому, что на каждую вологодскую книжку в областной газете всегда была рецензия и печаталась в «Красном Севере» те вещи, которые, извините, в столице даже «Новый мир» не решался брать. В первую голову стихи Николая Рубцова. И вот начинается кампания против Солженицына. Пошли бесконечные звонки. Я как раз болел. У меня легкие болячки, а когда добавили простуды, злой становлюсь. В общем, дошло до того, что одну газету центральною обложил по телефону. Дочка рядом была: «Что, пап, сухари сушить?» Я и на нее накричал. Страшно и стыдно было читать гнусные письма, пусть никто из «подписателей» не оправдывается сейчас, пусть все, у кого совесть есть, извиняются перед великим русским писателем.

В областной газете тоже появилось, конечно, письмо. В самом конце. Накребеяны подписи. Подписались люди, которым ради красного слова не жалко матери и отца. Но ни одной фамилии писателя вологодского, достойного называться писателем, не было.

Выхожу во двор. Встречаю Цветкова. В одном доме жили. Я в шубе, он в шубе, тоже приболел.

«Я, Николай Михайлович, хотел бы вас поблагодарить за то, что не предложили поставить подпись под гнусным письмом».

Он посмотрел на меня прищелкнул и скорбно и потряс головой. «Виктор Петрович, если бы вы знали, что мне это стоило!» А его предшественник бежал по Вологде и слушал, где летуч кукарекает. Главная обязанность главного редактора — выявить скам-

ли и выходцы из деревни. До каких же вершин скотства, изуверства и похабщины они порой доходили!

Я, как пишущий человек, хорошо представляю, какие сложные процессы происходят в его работе и в сердце, чтобы остаться на уровне великой, трагической правды. Ему все время приходится вступать в противоречия. Где-то и со своим народом, с его незрелой, запутанной частью, с теми мужиками, что до сих пор искренно верят, будто они строили «светлое будущее» и многого добились.

Весь творческий процесс писателя — это прежде всего процесс внутреннего борения и самоусовершенствования. Вот чего нам многим не удалось — внутренне совершенствоваться. Обвинять в этом пишущую братию, которая не приспосабливалась, нельзя. Потому что внутреннее усовершенствование дается, во-первых, огромным знанием жизни, сопереживанием с большой культурой, беспрестанным чтением хорошей литературы, а не словесной макины, которой нас перекормили и все время твердили при этом — быть в гуще жизни! Нет. Писатель всегда, если он настоящий писатель, был над жизнью. Всегда невозможно вперед, выше. И всегда должен иметь возможность оглянуться назад, осмыслить время. А тот, кто терся в гуще, коловерти, спешил «отключиться», — ничего путного не сделал.

Как сложно самому художнику, я еще раз подчеркну, оставаясь за рубежом, творить. Надо иметь огромное мужество, благородство и культуру — внутреннюю культуру, — чтобы податься над своими обидами. В конце концов, из того же от мяса и костей. Есть у него и прорывы в «Архипелаге», когда уже не может сдержаться, орет, пальцем тычет... Особенно кусок про Крыленко. Но люди теперь сами прочитают, что ж я буду излагать.

«Архипелаг ГУЛАГ» — не только огромное произведение, но и обвинительный приговор жестокому времени и насилью. И нам тоже. Своим терпением мы потрафляли насилью.

Присутствие в мире Александра Исаевича, его работа, его честь были хоть какой-то — слово вот познаюсли! — путеводной звездой. Ну не звездой, так луной, освещаю-

мер — интервью писателя В. Коненко в ленинградской молодежной газете в апреле нынешнего года. «Я не знаю, насколько сейчас реально возможность публикации у нас «Архипелага ГУЛАГа», и думаю, что совершенно не имеют почвы разговоры о возвращении Солженицына в СССР. Он монархист и прекрасно понимает, что если вернется, то встанет в ряд черносотенцев, ему придется заниматься чистой политикой в очень грязном окружении».

Во-первых, он старый человек, хоть и подкошенный лагерем, но еще сильный духом. И суетой его уже не заест. Не то что нас, слабых людей. Во-вторых, он человек верующий, о чем забыл Коненко. А верующие всегда сосредоточены, всегда в себе, помнят о Боге и о труде своем.

Если Александр Исаевич вернется домой, я буду очень рад. И охотно буду поклониться ему до земли, что при моей жизни это произошло. Если хватит у него сил.

Но я против возвращения покойников. Считаю, что они находятся уже не в нашем ведении, а в ведении Бога и всяких небесных сил. Я против возвращения праха Бунина. Могила на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в порядке. Другое дело, что Вуниинский комитет и мы вместе с издателями должны навсегда откупить на этом кладбище землю. Не надо трогать покойников, не надо! Мы пошлём на новой могиле, поспинаем на пленку толпы плачущих и страждущих, поиграем музыку Вагнера или Бетховена, а через года два-три над классиком будет расти крапива. Это же не модная могила Виссоцкого с распродажей фотографий. Зарастала же могила Сурикова бурьяном, да и другие могилы великих русских людей зарастали. Солженицын нам всем доказал, что может вполне самостоятельно мыслить, жить, работать и распорядиться собою. Так что не нам соваться со своим уставом в чужую жизнь, к чему мы привыкли очень.

— Возвращение книг Солженицына — наглядный пример развития перестройки. Еще в прошлом году такое трудно было бы предположить.

— Что прошлый год! Уже в этом году я разговаривал с человеком, в чей компетенции было — печатать, не печатать. Он сказал: «В Круге первым будет печатать, «Раковский корпус». А «ГУЛАГ» нет. Это антисоветская книга».

Считаю, что перемены в перестройке больше всего произошли в сфере гласности. Переложил Евангелие. Издают Библию. Все это очень хорошо. Но духовное должно подкрепляться материальным. А кое-кто гласность пустил в обратный ход. Уже раздражает она людей. Потому что гласность — глас — уже до неба достала, а на земле-то дела невнятные.

Боюсь не того, что с черносотенцами свяжется Солженицын, когда домой вернется. Он сам по себе уже солидная организация. И денежная, и нравственная. Боюсь, он укажет, когда увидит, в каком мы состоянии находимся. До какого дошли маразма в отношении к детям, инвалидам, матерям, пенсионерам. Каких бы он ни был семи пядей во лбу, все равно не представляет, что у нас произошло.

— В те годы в материальном плане было получше.